

(в строках «И дольний прах ложится жадно / На пожелтевшие листья»), своей неразрешимостью близко к алогизму, невозможному у Пушкина.

И это — не единственный случай. Возьмем локальный аспект. Вопрос «где росла», заданный в первой — второй строках «Ветки Палестины», с точки зрения пушкинской поэтики, избыточен, ибо уже из Gen. loci следует, что ветка цвела в Палестине. Лермонтову же понадобилась конкретизация (воды Иордана или горы Ливана), как бы не столь уж неохотимая для раскрытия образа. Поэтому-то П. А. Федоровский и находил, что в «Ветке Палестины» «в расположении мыслей... заметна путаница» [40, с. 17]. Объяснение подобному феномену лермонтовской поэтики дал Л. В. Пумпянский: «Все эти мнимые вопросы суть на самом деле ответы — уже потому, что называют ряд действий и предметов, связанных с веткой. Это — перечень ассоциаций, с затруднением в (ненужном) выборе, классификация ассоциаций, причем неправильность классификации углубляет ассоциативность» [41, с. 210].

И в финале «Ветки Палестины» риторическое «незакономерное сближение» выражается в том, что заключительные строфы, в утвердительной форме прославляющие ветку и раскрывающие ее гуманистическую символику, не являются, вопреки ожиданиям, ответом на предшествующий им длинный перечень вопросов, а следовательно, возникают немотивированно. Это один из многочисленных вариантов воплощения трагической душевной коллизии безуспешно пытающегося преодолеть «дисгармонию в отношениях с бытием» лермонтовского лирического героя, для которого, как, впрочем, и для самого Лермонтова, «жизнь не только чужда, но и желанна» [17, с. 385].

Стилистически несовместимые «слагаемые» (медитативность и балладность, одновременные переключки с Пушкиным и Жуковским, сопутствующее этому «опровержение» их стиливых «аргументов», насыщенность реминисценциями и отсутствие «литературности», рационализм и ассоциативность композиции, тонко обдуманное алогизмы в создании образа, мнимые ответы на мнимые вопросы и т. п.) в сумме своей на уровне художественного целого нагнетают напряжение такой силы, что оно не снимается даже при попытке выдать желаемое («все полно мира и отрады») за действительное. Удачнее других о том, как «Ветка Палестины», подобно капле воды, отразила в себе общие свойства лермонтовского стиля, сказал Б. М. Эйхенбаум: «„Ветка Палестины“ написана... на основе диссонанса, контраста, а не гармонии; именно поэтому она и написана в полубалладной форме — как иносказание. Ее заключительные строки... звучат как первая половина незаконченной фразы: интонация этих строк требует продолжения, раскрывающего контраст между картиной „мира и отрады“ и душевным смятением автора, тревожно задававшего вопросы. Этот контраст оставлен в подтексте и дан только в виде намека. Никакого внутреннего, тематического противоречия между этим стихотворением и лирикой Лермонтова нет» [42, с. 36—37].

Итак, в основе индивидуальных стилей Пушкина, Жуковского и Лермонтова лежит риторика. Опора на самые устойчивые во времени — риторические — «ориентиры» дает возможность выразить сущностные стороны мировоззрения и стиля. Одни и те же конструктивные риторические закономерности, обусловленные прежде всего сходством темы «Цветка», «Цвета завета» и «Ветки Палестины», используются поэтами по-разному. В этом своеобразии — ключ к пониманию глубинных причин стиливой неповторимости каждого. Если риторика — универсальный «подход к обобщению действительности» (С. С. Аверинцев) в ее противоречивом развитии, то у Пушкина риторическое «незакономерное сближение» проявилось как средство органичного единения противоположностей в «классическом стиле» — гармонической концепции трагически противоречивого бытия [17, 43]. В поэзии Жуковского гармоническая мера «единства противоположностей» еще не была достигнута, поэтому мы можем говорить об эклек-